

Агеева Ю.К. Л.Толстой и музыка.

Литературно-музыкальная композиция.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
«ДМИТРОВСКИЙ ТЕХНИКУМ»**

ОДОБРЕНО
на заседании ПЦК

_____/_____/_____
«__» _____ 202_ г.

Протокол № _____

УТВЕРЖДАЮ
Зам. директора по УМР

_____/Н. Е. Горюшкина/

«__» _____ 202_ г.

МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА

Л.Н.ТОЛСТОЙ И МУЗЫКА

**СЦЕНАРИЙ ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМПОЗИЦИИ
(ВНЕАУДИТОРНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ ПО ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ
СЛУШАТЕЛЕЙ 1 КУРСА ПОО)**

ДМИТРОВ, 2021

Разработчик: Агеева Ю.К., преподаватель русского языка и литературы высшей категории ГБПОУ МО «Дмитровский техникум»

В литературно-музыкальной композиции использованы воспоминания современников Л.Н.Толстого, его родных и близких, другие документы.

Особая благодарность филиалу музея музыкального искусства им. М.И.Глинки - музею-квартире А.Б.Гольденвейзера - за предоставленные редкие материалы.

Помощь в звукозаписи, художественном оформлении, а также оригинал-макет - Агеев Ю.В.

Автор сценария и ведущая - Агеева Ю.К.

Звучит "Романс" из концерта е-moll Ф.Шопена, на фоне которого декламируется стихотворение Е.Винокурова "Музыка":

Стихия музыки - могучая стихия,
Она чем непонятней, тем сильнее.
Глаза мои, бездонные, сухие,
Слезами наполняются при ней.

Она и невидна и невесома,
И мы ее в крови своей несем...
Мелодии всемирная истома,
Как соль в воде, растворена во всем.

Есть в музыке бездумное начало,
Призыв к свободе от земных оков.
Она не зря лукаво обольщала
Людей на протяжении веков...

Но и сейчас, когда оркестр играет
Свою невероятную игру,
Как нож с березы, он с людей сдирает
Рассудочности твердую кору!

Лев Толстой и музыка... Для нас это непривычное сочетание. Но как знать, может быть, именно эта причастность писателя к другому великому искусству - к музыке и наполнила его творчество особенным светом и глубиной миропонимания.

Звучит отрывок из "Маленькой ночной серенады" В.Моцарта. На фоне музыки продолжается рассказ.

Музыка вошла в жизнь Льва Николаевича Толстого с молоком матери. Он лишился ее очень рано, но часто казалось ему, что он слышит ее нежный голос, напевающий колыбельную песенку.

В детстве Левушка получил обычное дворянское воспитание, одним из основных элементов которого была музыка. Именно тогда и выработался тот удивительно тонкий музыкальный вкус великого писателя, поражавший его современников.

Музыкальное образование Льва Николаевича прежде всего открыло ему глубину и красоту музыки величайшего композитора-классика прошлого - В.А.Моцарта. Любовь к его произведениям он пронес через всю жизнь.

Но в юности большое влияние на вкус Льва оказал его старший брат Сергей, которым он восхищался, которому всегда пытался подражать. Сергей был одержим цыганским хором, бредил цыганскими романсами, не пропускал ни одного их выступления и был влюблен в солистку цыганского хора Машу.

Звучит старинный романс А.Обухова "Калитка".

Судьба Сергея сложилась драматично. Цыганка Маша Шишкина жила вместе с ним вместе с детьми. Сергей отошел от юношеских увлечений, занялся хозяйством, завел отличный конезавод, стал серьезнее, любовь к Маше сменилась чувством стыда и неловкости, сожаления за прошлые ошибки. Именно в это время Сергей полюбил сестру Софьи Андреевны Толстой Татьяну. Они решили пожениться и были бы счастливы, но Сергей не смог поступить непорядочно по отношению к Маше, вынужден был жениться на ней ради детей. Татьяна в отчаянии приняла яд. Ее спасли, но рана на сердце осталась на всю жизнь. Эта история не прошла мимо внимания Льва Толстого, и отголоски ее можно увидеть во многих его произведениях (в пьесе "Живой труп", "Война и мир" и др.

Музыка сопровождала Толстого всю жизнь, даже тогда, когда рядом была война, смерть, лилась кровь. Во время Крымской войны в 1855 г. Толстым были написаны две севастопольские песни (вторая - в соавторстве с коллективом молодых офицеров). В севастопольских песнях критически излагаются действия незадачливых и нерасторопных русских генералов эпохи Николая I, проигравших крымское сражение у реки Черной. Песни полны юмора народного - меткого острого, подчас нескромного. Они совершенно просты по форме. В первой песне, музыку к которой сочинил сам Толстой, сатира не щадит никого - ни незадачливых военачальников, ни князей из царской семьи. В одном из вариантов этой песни названы все пофамильно.

А.И.Герцен, до которого в свое время дошел текст обеих севастопольских песен, считал их солдатскими, даже и не подозревая об авторстве или об участии в их написании Толстого. Добролюбов вспоминал: "Не знаю, как в Крыму, но в Петербурге эти песни имеют большой успех. Их читают и списывают. Мне случалось встречать офицеров, которые знают их наизусть."

Звучит один из вариантов "Севастопольской песни" Толстого.

Лев Николаевич не изменял своей любви к музыке никогда. Даже во время заграничных поездок, целью которых было изучение образования и политической системы стран Европы, он с жадностью впитывал в себя все новые и новые музыкальные впечатления. В Швейцарии Лев Николаевич пишет рассказ "Люцерн", в котором ярко выражена боль за униженного но очень талантливого тирольского певца. А в Лейпциге, в церкви святого Томаса, он благоговейно слушал орган, на котором когда-то давно играл сам великий Иоганн Себастьян Бах.

Звучит "Токката" d-moll И.С.Баха. На ее фоне звучит стихотворение Н.Ушакова:

Мне дорог Бах...
Ну, как бы вам сказать,
Не то чтоб нынче музыки не стало.
Но вот такого чистого кристалла
Еще нам не являлась благодать.

Какое равновесие страстей,
Какая всеобъемлющая совесть,
Какая удивительная помощь
О брошенной
В века
Душе моей!

Тоска по родине - это новое чувство появилось у Льва Николаевича за границей. Здесь особо остро осознал он талантливость и самобытность русского народа.

Толстой превыше всего ставил народное искусство, в котором ему импонировали монументальность, искренность и простота. Однажды, на вопрос, какую музыку он больше всего любит, Толстой ответил: "Простую, народную. И самый лучший композитор - это народ." Он любил слушать народные песни, с интересом наблюдал за редкими народными праздниками. Недаром с большой теплотой говорит Л.Толстой. в своих произведениях о народных талантах. Как заразительно и бодро поют народную песню "Ах, вы сени, мои сени..." русские солдаты!

Звучит русская народная песня "Ах, вы, сени, мои сени..."

Известный балалаечник Трояновский играл в Ясной Поляне довольно часто, доставляя Льву Николаевичу большое удовольствие.

Особенно он любил песню "Светит месяц". Недаром любимая героиня Толстого - Наташа Ростова - истинно русская душой, упоительно пляшет под аккомпанемент дядюшки русскую пляску именно под эту мелодию.

Демонстрируется отрывок из художественного фильма "Война и мир" "Пляска Наташи Ростовской".

Любимые герои Толстого всегда музыкальны и талантливы. Музыка же помогает им не только в радости и веселье, но и в самые тяжелые минуты.

Читается отрывок из романа "Война и мир" "Николай Ростов слушает пение Наташи".

“И чему она радуется! - подумал Николай, глядя на сестру. И как ей не скучно и не совестно!” Наташа взяла первую ноту, горло ее расширилось, грудь выпрямилась, глаза приняли серьезное выражение. Она не думала ни о ком, ни о чем в эту минуту, и из улыбки сложенного рта полились звуки, те звуки, которые может производить в те же промежутки времени и в те же интервалы всяки, но которые тысячу раз оставляют вас холодным, в тысячу первый раз заставляют вас содрогаться и плакать.

Наташа в эту зиму в первый раз начала серьезно петь и в особенности оттого, что Денисов восторгался ее пением. Она пела теперь не по-детски, уж не было в ее пении этой комической, ребяческой старательности, которая была в ней прежде; но она пела еще не хорошо, как говорили все знатоки-судьи, которые ее слушали. “Не обработан, но прекрасный голос, надо обработать”, говорили все. Но говорили это обыкновенно уже гораздо после того, как замолкал ее голос. В то же время, когда звучал этот необработанный голос с неправильными придыханиями и с усилиями переходов, даже знатоки-судьи нечего не говорили, и только наслаждались этим необработанным голосом и только желали еще раз услышать его. В голосе ее была та девственная нетронутость, то незнание своих сил и та необработанная еще бархатность, которые так соединялись с недостатками искусства пения, что, казалось, нельзя было ничего изменить в этом голосе, не испортив его.

“Что ж это такое? - подумал Николай, услышав ее голос и широко раскрывая глаза. - Что с ней сделалось? Как она поет нынче?” подумал он. И вдруг весь мир для него сосредоточился в ожидании следующей ноты, следующей фразы, и все в мире сделалось разделенным на три темпа: “Oh mio crudele affletto... Раз, два, три...

раз, два... три... раз... Oh mio crudele affletto... Раз, два, три... раз. Эх, жизнь наша дурацкая! - подумал Николай. - Все это, и несчастье, и деньги, и Долохов, и злоба, и честь - все это вздор... а вот оно настоящее. Ну, Наташа! Ну, голубчик, ну, матушка!.. как она этот si возьмет? Взяла! Слава богу!" - и он, сам не замечая того, что он поет, чтобы усилить этот si, взял втору в терцию высокой ноты. "Боже мой! Как хорошо! Неужели это я взял? Как счастливо!" подумал он.

О, как задрожала это терция, и как тронулось что-то лучшее, что было в душе Ростова. И это что-то было независимо от всего в мире, и выше всего в мире. Какие тут проигрыши, и Долоховы, и честное слово!.. Все вздор! Можно зарезать, украсть и все-таки быть счастливым..."

Звучит романс А.Г.Рубинштейна "Горные вершины" на слова М.Ю.Лермонтова.

Вокруг Толстого в Москве всегда собирались замечательные музыканты того времени, но их выступления скоро раздвинули рамки простого домашнего музицирования. Писатель основывает в 1859 г. музыкальное общество в Москве с содействием Боткина, Перфильева, Мортье и других. Г-жа Киреевская дает свою залу для концертов, устраиваемых этим обществом. Из этого общества впоследствии образовалась Московская консерватория, первым директором которой и идейным вдохновителем был Н.Г.Рубинштейн.

В концертах этого музыкального общества часто звучала музыка П.И.Чайковского. В период начавшихся уже в нем религиозных исканий Л. Н. Увлекался музыкой, вероятно, находя в ней некоторое успокоение. К этому времени относится знакомство с П.И.Чайковским, который пишет в письме к А.Давыдовой от 23 декабря 1876 г.: "На днях здесь провел несколько времени граф Л.Н.Толстой. Он у меня был несколько раз, провел два целых вечера. Я ужасно польщен и горд интересом, который ему внушаю, и с своей стороны вполне очарован его идеальной личностью". Впоследствии Чайковский вспоминал, что во время знакомства с Л.Толстым. Его охватил страх и чувство неловкости, благоговения, так велико было поклонение Чайковского, что он просил Н.Рубинштейна устроить в консерватории музыкальный вечер для Л.Толстым. На этом вечере был исполнен D-dur квартет, во время которого Толстой разрыдался при всех. "Может быть, никогда в жизни я не был так польщен, - говорил Петр Ильич в дневнике, - и тронут в моем авторском самолюбии, как когда Л.Толстой, слушая анданте моего квартета и сидя рядом со мною, залился слезами".

Л.Толстой решил приобщить П.И.Чайковского к делу народного искусства, так как всегда желал послужить развитию самобытных народных сил. Поэтому Л.Толстой послал Чайковскому песни. "Это удивительное сокровище в ваших руках. Но, работая Бога, обработайте их и пользуйтесь в моцартовско-гайденовском роде, а не в бетховенско-шумано-берлиозо-искусственном ищущем неожиданного, роде". П.И.Чайковский ответил: "Это необычайно трудная вещь... Кроме Балакирева, я не знаю ни одного человека, сумевшего быть на высоте этой своей задачи. Но материалом для симфонической ваши песни служить могут, и я непременно воспользуюсь этим так или иначе. Все участники квартета читали Ваши сочинения. Они будут вам очень благодарны, если вы пришлете каждому из них какое-либо сочинение. Что касается до меня, то я бы просил вас подарить мне "Казачьи". Если будете посылать портрет Рубинштейну, то и меня не забудьте".

Но несмотря на простоту и ласковость обращения, Толстой смущал его. Из желания понравиться, угодить, Чайковский становился "сам не собою" в присутствии своего собеседника, невольно то рисовался, то таил искренние порывы, т.е. Чайковский чувствовал, что играет какую-то роль, а это было источником тяжелых ощущений для его правдивой природы. Он стал бояться встреч с Л.Толстым. Но остался его поклонником до самой смерти. Религиозным взглядам Л.Толстого Чайковский не сочувствовал.

Звучит отрывок I части Симфонии №6 П.И.Чайковского, на фоне которого декламируется стихотворение Н.Рубцова "В минуты музыки".

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный
И шум порывистых берез

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Давно душа блуждать
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но все равно в жилищах зыбких -
Попробуй их останови! -
Перекликаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о любви.

И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.

Толстой осторожно относился к музыке Бетховена, утверждая, что он внес с музыку несвойственный ей драматизм. Но все-таки музыка Бетховена действовала на писателя с не меньшей силой, чем другая. Его близкие вспоминают, что часто на глазах писателя были слезы во время прослушивания его произведений.

"Я все писал об искусстве... Вопрос очень важный... откуда оно и какое настоящее истинное богатство духовное... Я нынче бросил на время и стал писать "Крейцерову сонату". Повод.

Как-то весной в Москве в доме у Льва Николаевич собралось большое общество госте. На этом вечере присутствовал Лев Николаевич. Знаток и любитель музыки, Сергей Львович Толстой сыграл вместе с Лассоро "Крейцерову сонату". Л.Н. давно знал и любил эту вещь. В этот вечер "Крейцорова соната" произвела на Лев Николаевич особенно сильное впечатление. Обратившись к Репину и Андрееву-Бурлаку, он сказал: "Давайте изобразим "Крейцерову сонату" доступным нам способом искусства. Я напишу рассказ, Андреев-Бурлак прочтет его перед публикой, а вы напишите на эту тему картину, которая будет стоять на сцене. Пока Андреев-Бурлак будет читать мою повесть".

Предложение это было принято. Лев Николаевич принялся за писание "Крейцеровой сонаты". Андреев-Бурлак был в восторге от начала, но вскоре он умер, не дождавшись окончания повести, а Лев Николаевич увлекся ее содержанием, и она приняла иные размеры. Повесть эта балы эпохой не только в русской, но и во всемирной литературе. Страхов пишет Толстому: "Сильнее этого вы ничего не писали, да и мрачнее тоже ничего. Много есть замечаний и описаний изумительных по глубине, до которой они проникают в душу, и страшных по своей правде".

Цензура запретила издавать "Крейцерову сонату". Софья Андреевна Толстая добивалась отмены этого запрета. Александр III принял ее в Аничковом дворце и в ответ на ее просьбу разрешил напечатать ее только в полном собрании сочинений Толстого.

Звучит отрывок первой части сонаты для скрипки и фортепиано A-dur ("Крейцеровой"), на фоне которой читается отрывок из повести Л.Толстого "Крейцера соната".

"Помню потом, как они взглянули друг на друга, оглянулись на усаживавшихся и потом сказали что-то друг другу, и началось. Она взяла первый аккорд. У него сделалось серьезное, строгое, симпатичное лицо, и, прислушиваясь к своим звукам, он осторожными пальцами дернул по струнам и ответил роялю. И началось.

Они играли Крейцерову сонату Бетховена. Знаете ли вы первое престо? Знаете?! - вскрикнул он. - У!... Страшная вещь эта соната. Именно эта часть. И вообще страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем он делает то, что она делает? Говорят, музыка действует возвышающим душу образом - вздор, неправда! Она действует, страшно действует, я говорю про себя, но вовсе не возвышающим душу образом. Она действует ни возвышающим, ни принижающим душу образом, а раздражающим душу образом. Как вам сказать? Музыка заставляет меня забывать себя, мое истинное положение, она переносит меня в какое-то другое, не свое положение: мне под влиянием музыки кажется, что я чувствую то, чего я, собственно, не чувствую, что я понимаю то, чего не понимаю, что могу то, чего не могу.

Она, музыка, сразу, непосредственно переносит меня в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку. Я сливаюсь с ним душою и вместе с ним переношусь из одного состояния в другое, но зачем я это делаю, я не знаю. И потому музыка только раздражает, не кончает. Ну, марш воинственный сыграют, солдаты пройдут под марш, и музыка дошла: сыграли плясовую, я проплясал, музыка дошла; ну, пропели мессу, я причастился, тоже музыка дошла, а то только раздражение, а того, что надо делать в этом раздражении, - нет. И оттого музыка так страшно, так ужасно иногда действует. В Китае музыка государственное дело. И это так и должно быть. Разве можно допустить, чтобы всякий, кто хочет, гипнотизировал бы один другого или многих и потом бы делал с ними, что хочет. И главное, чтобы этим гипнотизером был первый попавшийся безнравственный человек.

А то страшное средство в руках кого попало. Например, хоть бы эту Крейцерову сонату, первое престо. Разве можно играть в гостиной среди декольтированных дам это престо? Сыграть и потом похлопать, а потом есть мороженое и говорить о последней сплетне. Эти вещи можно играть только при известных, важных, значительных обстоятельствах, и тогда, когда требуется совершить известные, соответствующие этой музыке важные поступки. Сыграть и сделать то, на что настроила эта музыка. А то несоответственное ни месту, ни времени вызывание энергии, чувства, ничем не проявляющегося, не может не действовать губительно. На меня, по крайней мере, вещь эта подействовала ужасно; мне как будто открылись совсем новые, казалось мне, чувства, новые возможности, о которых я не знал до сих пор. Да вот как, совсем не так, как я прежде думал и жил, а вот как, как будто говорилось мне в душе. Что такое было то новое, что я узнал, я не мог себе дать отчета, но сознание этого нового состояния было очень радостно. Все те же лица, а в том числе и жена и он, представлялись совсем в другом свете.

Жену же я никогда не видал такую, какую она была в этот вечер. Эти блестящие глаза, эта строгость, значительность выражения, пока она играла, и эта совершенная растаянность какая-то, слабая, жалкая и блаженная улыбка после того, как они кончили. Я все это видел, но не приписывал этому никакого другого значения, кроме того, что она испытывала то же, что и я, что и ей, как и мне, открывались, как будто вспомнились новые, неиспытанные чувства."

Дом Толстых в Ясной Поляне называли "музыкальной шкатулкой". И это справедливо - ведь именно там бывали замечательные музыканты того времени: композитор С.Танеев, профессор московской консерватории Б.Сибор, композитор и пианист А.Б.Гольденвейзер, виолончелист М.Букиник, музыкальный и театральный критик В.Стасов, известная польская пианистка В.Ландовска и многие другие. Звуки музыки в его доме не смолкали почти никогда.

В.Ландовска вспоминала о том, как много играла для Льва Николаевича в Ясной Поляне. Иногда он не уставал ее слушать по 4-5 часов в день. Она была удивлена музыкальной образованностью писателя и его безупречным вкусом. В.Ландовска отмечала также, что музыкально одарены все члены семьи Толстых. Многие из них пели, другие играли на различных музыкальных инструментах. Она отмечала Льву Николаевичу нравились в ее исполнении старинные французские танцы и восточные народные песни. А среди любимых его композиторов она называет Моцарта, Баха, Гайдна, Чайковского и, в особенности, Шопена.

Толстой говорил: "Шопен в музыке - это то же, что Пушкин в поэзии. Во мне в детстве развивали ненависть к полякам. И теперь я отношусь к ним с особенной нежностью. Если бы мне сказали, что сейчас кто-нибудь может мне предсказать всю мою судьбу и судьбу близких мне людей, я бы мене заинтересовался этим, чем сонатой Шопена."

Лев Николаевич играл произведения Шопена часто сам, особенно трогательное отношение было у него, кроме всех прочих произведений Шопена, к ноктюрну "Раздумья об Отчизне". Ноктюрн - это, по обыкновению, ночная песнь любви и верности. Этот же ноктюрн Шопен написал в особом душевном состоянии, когда все мысли его были обращены к родине (Польше), где в то время проходили восстания. Когда-то Фредерик Шопен уехал из Польши на короткое время, но так и не смог вернуться на родину. Ноктюрн "Раздумья об Отчизне" - это ночная песнь о родине, здесь и ласковая, задумчивая мелодия, и нарастающее беспокойство, и тревога, и нескрываемое чувство одиночества. Л.Н. глубоко понимал сокровенные мысли этого ноктюрна и часто его играл.

Звучит ноктюрн *cis-moll* "Раздумья об Отчизне" Ф.Шопена.

Музыка живет в семье Толстых даже в самые горестные минуты... Над столом Льва Николаевича в Ясной Поляне висит большая фотография безвременно скончавшегося младшего сына писателя Ванечки: мягкие кудри, умные, вдумчивые детские глаза, нежно очерченное личико... И отец, и Софья Андреевна безмерно любили Ванечку. Мальчик отличался особой душевностью, оригинальностью и даровитостью. У него не было никакого эгоизма. При разделе имущества (еще при жизни Льва Николаевича) Ванечке досталось имение Ясная Поляна. Но когда ему говорили: "Ванечка, это все твое!", он отвечал: "Нет, это все - всехнее!" Лев Николаевич надеялся, что именно Ванечка будет продолжать его дело. Но надеждам не суждено было сбыться: Ванечка скончался от молниеносной скарлатины семи лет от роду.

Звучит отрывок Реквиема В.А.Моцарта.

Отчаяние поглотило бы несчастных родителей, если бы не музыка. Именно тогда Софья Андреевна обратилась за утешением к любимым произведениям. Она много играла сама, слушала Танеева и Гольденвейзера, игру мужа, пение сестры.

О Т.А.Кузьминской следует сказать особо. Очень рано "выделив" голос Татьяны, Лев Николаевич привозил ей ноты, часто

сам аккомпанировал и называл ее по имени известной французской певицы той поры, "мадам Виардо". В музыкальном даровании Тани Толстой находил одно из утешений во время поездок в Москву для собирания материалов к "Войне и миру". Он говорил жене: "Мне все скучно здесь, кроме моей работы и пения Тани". Дочь Толстого Александра вспоминала: "Я, к сожалению, не помню ее молодой, но помню, что она пела так, как никто на свете. Я спала в детской за две комнаты от зала. Прогонят спать, а я знаю, что тетенька петь будет, и жду. И вот слышу первые аккорды. Сердце стучит, я крадусь в гостиную, я знаю каждую ноту, дыханье захватывает... Тетенька замолкает. Похвалы, восклицания кажутся ненужными, нарушают очарование."

Толстой любил в исполнении Татьяны романсы русских композиторов. Особенно Глинки, Булахова и других. Именно ее пение и ее обаяние послужили основой для создания образа Наташи Ростовской.

Звучит романс М.Глинки на слова А.Баратынского "Не искушай меня без нужды...".

Л.Толстой признавал любые музыкальные жанры, его пристрастия были самые разнообразные. Но, как отмечают современники, Л.Толстой отрицательно относился к оперному искусству. Он не верил в искренность чувств, которые выражаются на сцене под музыку. Особенно плохо он воспринимал оперы Р.Вагнера из трилогии "Кольцо нибелунгов". Такими же настроениями полны описания оперы в романе "Война и мир":

"На сцене были ровные доски посередине, с боков стояли крашенные картоны, изображавшие деревья, позади было протянуто полотно на досках. В середине сцены сидели девицы в красных корсажах и белых юбках. Одна, очень толстая, в шелковом белом платье, сидела особо на низкой скамеечке, к которой был приклеен сзади зеленый картон. Все они пели что-то когда они кончили свою песню, девица в белом подошла к будочке суфлера, и к ней подошел мужчина в шелковых, в обтяжку, панталонах на толстых ногах, с пером и кинжалом и стал петь и разводить руками.

Мужчина в обтянутых панталонах пропел один, потом пропела она. Потом оба замолкли, заиграла музыка, и мужчина стал перебирать пальцами руку девицы в белом платье, очевидно выжидая опять такта, чтобы начать свою партию вместе с нею. Они пропели вдвоем, и все в театре стали хлопать и кричать, а мужчина и женщина на сцене, которые изображали влюбленных, стали, улыбаясь и разводя руками, кланяться.

После деревни и в том серьезном настроении, в котором находилась Наташа, все это было дико и удивительно ей. Она не могла следить за ходом оперы, не могла даже слышать музыку: она видела только крашенные картоны и странно наряженных мужчин и женщин, при ярком свет странно двигавшихся, говоривших и певших; она знала, что все фальшиво и ненатурально, что ей становилось то совестно за актеров, то смешно на них."

Однако музыка многих опер ему нравилась (Глинки, Чайковского и других). С удивлением и восхищением воспринял он музыку оперы "Лакме" французского композитора Л.Делиба, с которой когда-то его познакомил П.И.Чайковский.

Демонстрируется видеотрывок с фрагментом оперы Л.Делиба "Лакме".

***Заключительное слово.

Звучит стихотворение Д.Давыдова "Вальс":

Кипит поток в дубраве шумной,
И мчится скачущей волной,
И катит в ярости безумной
Песок и камень вековой.
Но, покорен красой невольной,
Колышет ласково поток
Слетевший с берега на волны
Весенний, розовый листок.
Так бурей вальса не сокрыта,
Так от толпы отличена, -
Летит воздушна и стройна
Моя любовь, моя харита,
Виновница тоски моей,
Волненья чувств моих и думы,
И поэтических безумий,
И поэтических страстей!

Звучит романс Н.Листова "Я помню вальса звук прелестный", затем вальс Л.Толстого. Затем на фоне отрывка из II части концерта для фортепиано с оркестром №2 С.В.Рахманинова декламируется стихотворение М.Якубовича "Музыка":

Когда к роялю прикоснется
Артиста верная рука

И звуков целый мир сольется,
Как полноводная река:
В моей груди опять волнение,
И радость - друг по старине,
И гений светлый - вдохновение,
Доступны сумрачному мне.
И мнится мне: пустынь эфира,
С надзвездной, горной вышины,
Нисходит в душу ангел мира,
Посол небесной стороны.
Играй, артист! Земные руки
Облобызать поэт готов:
Они с небес низводят звуки -
Язык души, язык богов!